

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ МИРА

© 1992 г., ЭО, № 2 А. А. Сирина

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ОРГАНИЗАЦИИ СРЕДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(На примере эвенков верховьев
р. Нижняя Тунгуска)

Известно, что традиционные общества Севера и в прошлом не являлись чисто «традиционными», и такое название, укоренившееся за ними, есть отражение тех специфических особенностей, которые им свойственны, а также результат своеобразного стереотипа, сложившегося в науке.

Современные северные этносы в силу экологических, социально-экономических причин, иноэтнических взаимодействий «асимметричного» характера находятся в состоянии эволюции. Это этносы во многом переходного типа, не утратившие еще всех ценностей своей культуры, но уже сильно интегрированные в новую культурную среду иного этнического окружения, с иным уровнем развития, образом жизни и системой ценностей. В результате таких контактов для «малого» этноса актуальным становится восприятие идей и ценностей новой культуры.

Наблюдающийся ныне всплеск национального самосознания народов Севера СССР происходит на фоне продолжающихся ассимиляционных и аккультурационных процессов. К чему они приведут, покажет будущее. Анализируя их глубину и интенсивность, некоторые авторы приходят к выводу, что в настоящее время условий для воспроизводства этнической самобытности малых народов Севера недостаточно². В то же время, как верно замечено, культуры обладают потенциальной адаптивной способностью к модернизации и аккультурации и достаточно изобретательны в переформулировании смысла³.

В любом случае наряду с новыми элементами в культуре народов Севера в модернизированном виде сохраняются многие элементы традиционного культурного комплекса, такие, например, как некоторые производственные навыки, опыт природопользования, принципы и способы организации среды обитания и т. д. Очевидно, эти традиции имеют большой внутренний потенциал, а кроме того, отвечают духу этноса, выделяя его среди других образований. Преемственность, понимаемая как связь в развитии культуры, в значительной степени обеспечивается передачей таких традиций, которые могут иметь широкие рамки вариативности.

В данной статье проблема преемственности рассматривается в основном в той области этнической культуры, которую в этнографии традиционно называют «материальной», в последнее время практически параллельно употребляется термин «система жизнеобеспечения». Впрочем, вопрос о внутреннем членении культуры как системы и явления до сих пор остается «сложным и неясным»⁴. В границы этих терминов входит употребляемый нами в данном контексте

* Особенности народов Севера, их жизни и быта были официально отмечены в 1925 г., когда они были выделены в группу так называемых «малых народов Севера» на основе таких существенных характеристик, как 1) малочисленность, 2) уникальный характер традиционных занятий, 3) особенности жизни и быта, 4) низкий уровень социально-экономического развития¹.

термин «организация среды жизнедеятельности». Опираясь на него, возможно, на наш взгляд, более глубокое, применительно к специфике избранной темы и особенностям эвенкийской кочевой культуры, проникновение в механизм преемственности этнокультурных явлений.

В Словаре современного русского языка термин «организация» трактуется как планомерное, продуманное устройство. «Организовать» — значит упорядочить, привести в порядок⁵. Термин «организация пространства», или «организация среды», уже давно, широко и успешно используется в исследованиях по организации архитектурного пространства среды: разумного, творческого процесса, выраженного в определенных правилах и нормах⁶.

Представления о среде связаны с изучением взаимодействия носителей предметно-практической деятельности (субъектов среды) с окружением. Среда, в которой протекает жизнедеятельность этноса, со временем подвергается весьма существенным колебаниям, вызванным как объективными (присущими самой среде), так и субъективными причинами. Последние связаны с изменением среды под воздействием хозяйственно-культурной деятельности этноса (или этносов), в результате чего она приобретает искусственные, вторичные черты.

Адаптация этноса к среде происходит в процессе социально-организованного освоения территории. В ходе длительной эволюции культуры различные формы человеческой деятельности получили устойчивое соотношение с определенными способами архитектурной организации пространства, образуя особые пространственно-функциональные и эмоциональные элементы, совокупность которых и образует среду поселения.

Итак, под организацией среды жизнедеятельности мы понимаем приведение в определенную систему, упорядочивание взаимоотношений этноса (или этнографической группы) с окружающей средой в процессе хозяйственно-бытовой адаптации, конкретнее, в процессе пространственной организации среды.

В статье данная проблема рассматривается на примере этнографической группы эвенков Енисейско-Ленского междуречья (зона тайги), проживающих в административных границах Катангского района Иркутской области.

Долгое время в границах рассматриваемой территории происходили этнокультурные контакты трех групп населения: эвенков, русских старожилов и якутов. Вопрос о характере и специфике этнических процессов в районах со смешанным составом населения настолько интересен, что заслуживает специального рассмотрения. Мы говорим об этих процессах лишь в общих чертах в связи с необходимостью показать степень интеграции разных культур и понять те условия, в которых протекает их развитие.

Рассматриваемая эвенкийская группа уже с XVII в. имела этнические контакты с русским старожильским, а с XIX в. — с якутским населением. В результате процессов аккультурации эвенки юга района получили ориентацию на оседлый образ жизни с занятиями скотоводством и земледелием при сохранении большой роли охоты. Русские старожилы также многое позаимствовали у эвенков в организации промысла и адаптации к среде. Потомки смешанных русско-эвенкийских браков в третьем-четвертом поколениях оказались настолько интегрированы в русскую культуру и связанную с ней систему ценностей⁷, что в отношении их правомерно говорить о переходе аккультурационных процессов в ассимиляционные и о частичном их завершении.

Эвенки на севере района исторически имели более тесные соседские связи и культурный обмен с якутами, приток которых с берегов Вилюя, Чоны и других рек особенно усилился в конце XIX — начале XX в. Несмотря на относительно небольшое количество якутов на севере района, там происходили процессы аккультурации и переход части эвенкийского населения к полуоседлым и оседлым формам быта с преимущественным занятием скотоводством, а части якутского населения — к оленеводству (в сочетании с традиционным скотоводством). Этим процессам способствовали смешанные браки. Двуязычие, смешанное (чаще — эвенкийское) самосознание были характерны для эвенков севера района.

Изменения, происходившие среди катангских эвенков в советское время, были вызваны как естественной, так и искусственной, целенаправленной ассимиляцией. Естественная эволюция кочевых обществ таежных охотников-оленьеводов происходила под влиянием различных факторов, таких, как изменение численности населения (эпидемии, миграции), процессы аккультурации и ассимиляции, уменьшение поголовья оленей в результате различных эпизоотий. Естественная эволюция — обычно более медленный процесс, происходящий главным образом за счет факторов внутреннего развития культуры, а также стимулированных инноваций, когда в большой степени сохраняется относительное равновесие всего «культурного комплекса».

Целенаправленная государственная политика приведения кочевых хозяйств к оседлым формам жизни и быта, практикуемая с 1930-х годов реорганизация и укрупнение хозяйств и населенных пунктов, в целом ориентация на иные, фактически внеэтнические ценности, смысла и значения которых эвенки не понимали⁸, представляла собой искусственную ассимиляцию. Это время характеризовалось прерывностью, резкими изменениями в организации среды, в типах расселения, вынужденными миграциями, что явилось одной из причин ускоренного свертывания традиционного хозяйства. Наибольшего развития этот процесс достиг в середине — второй половине XX в. Изменения и в реальной жизни, и в сознании эвенков были велики, последствия их долговременны и, по-видимому, необратимы. Большинство эвенков перешло к оседлому образу жизни с сохранением частью населения сезонной промысловой миграции. Реально осваиваемая территория значительно сократилась, изменилась и форма жилища.

На необходимость преемственности и постепенных эволюционных изменений указывали в 1920-х годах некоторые проектировщики и непосредственные организаторы перехода к оседлым формам быта у так называемых «малых народов». Об этом говорил, например, на заседаниях Иркутского отделения Комитета Севера проф. Б. Э. Петри, выступавший за сохранение охоты и оленеводства, за ориентацию эвенкийского хозяйства на занятия скотоводством при частичном переходе к оседлости. Полемизируя со своими оппонентами, он также возражал против строительства на культбазах у тутуро-очеульских эвенков «длинных» домов прямоугольной формы (по типу домов американских индейцев-ирокезов, известных по исследованиям Л. Г. Моргана), подчеркивая роль традиции и преемственности: «...учитывая бытовые особенности туземцев, привыкших к уединенной жизни в тайге и к отдельному чуму, жизнь под одной крышей 36 человек, сгруппированных в отдельные хозяйства от 6 до 1 человека в каждом будет для туземцев неприемлема»⁹. Действительно, эвенкам с их специфичным хозяйственно-культурным типом и общинной организацией были присущи иные способы и формы организации жилой среды.

К настоящему времени среди всего населения района, составляющего 9,7 тыс. человек, эвенков — 546 человек, то есть около 6%. Пять процентов эвенкийского населения ведут приближенный к традиционному (полуоседлый) образ жизни¹⁰. Остальные семьи эвенков живут оседло, как правило, с сезонной промысловой миграцией мужчин. В эвенкийских группах, среди оседлого и полуоседлого населения мы видим разную степень бытования традиционного. В дальнейшем мы уделим внимание прежде всего вопросам преемственности в организации среды жизнедеятельности в группе полуоседлых эвенков. Основными видами хозяйственной деятельности среди них остаются (при сильно изменившемся их соотношении в сравнении даже с концом XIX — началом XX в.) охота (пушная и мясная), оленеводство, рыболовство. На первое по значению место в хозяйстве давно вышла пушная охота, доходы от которой составляют наибольший процент в бюджете семьи. До сих пор велико значение мясной (потребительской) охоты, особенно осенью. До недавнего времени она велась из-за существующих запретов как бы полуполюгально. Рыболовство играет лишь подсобную роль, а престиж и значение оленеводства, несмотря на постепенное сокращение оленьих

стад, довольно устойчиво сохраняется¹¹. В то же время сильно увеличилась зависимость эвенков от покупных продуктов и промышленных товаров.

Наши наблюдения дают основание утверждать, что важной традицией у полуоседлых эвенков, которая является и показателем сохранения пресмственности, является особое отношение к тайге, территории кочевания как к дому¹². В подобной плоскости этот вопрос, кажется, не ставился.

Пространственно и социально организованная территория — это прежде всего территория, над которой установлен контроль и с которой определенная эвенкийская семья (община) идентифицирует себя. Идентификация территории выражается в психологическом отношении к ней живущих здесь людей¹³. В этом смысле с полной уверенностью можно говорить о том, что психологически эвенки идентифицируют себя с домом, представляя его не в виде абстрактного чума в абстрактном месте, а в виде той таежной территории, на которой находятся их промысловые, пастбищные, рыболовные угодья с материализованными объектами жизнедеятельности, называя эту территорию «своя земля», «дом». Оппозиция, отмеченная С. А. Токаревым «дом» и «все, что вне дома» (где дом понимается как жилище человека¹⁴), может быть перефразирована для эвенкийского образа жизни как «территория обитания» и «все, что находится вне ее», причем эта оппозиция не является жесткой схемой. Жилище, безусловно, остается домом для эвенков, но домом лишь в узком смысле. Ведь его постоянно переносят с места на место (покрышки чума — это «стены дома»). Небезразлично, на какой земле он будет стоять.

Одним из составляющих этого отношения является использование полуоседлым эвенкийским населением в качестве территории кочевания прежних родовых территорий или территорий, сопредельных с ними, приближенных к ним.

Вопрос о форме землепользования у эвенков еще не решен окончательно, но очевиден тот факт, что исследователи не разграничивали четко родовые и семейные угодья, как как и в реальной жизни такого разделения, по-видимому, не существовало. В то же время с развитием пушного промысла, в особенности с конца XIX — начала XX в., довольно четко выделялись те территории, где велся пушной промысел и рыболовство и на которые распространялись права собственности семьи¹⁵. От представлений о том, что эвенки блуждают, где им вздумается, по тайге, этнографы, анализируя их хозяйственную жизнь и социальную организацию, пришли к выводу, что «практически эвенки редко выходили за пределы естественно сложившихся хозяйственных регионов», и далее: «для каждой общины (территориально-соседской.— А. С.) сложились традиционные угодья, свой узкий хозяйственный район — микросфера общения в хозяйственной деятельности»¹⁶. Вслед за В. В. Карловым об этом на основе анализа хозяйства эвенков, реконструируемого для конца XIX — начала XX в., говорит М. Г. Туров: «несколько поколений каждая из территориально-соседских групп кочевала в пределах постоянных территорий»¹⁷.

В эвенкийском землепользовании действовало обычное право. В современных условиях, когда увеличилась нагрузка на одну и ту же экологическую нишу, одну и ту же территорию со стороны разных этносов, в практике землепользования произошли существенные изменения. Они выразились в том, что вся тайга была поделена на охотничьи участки, право на освоение которых закреплено юридически. Кроме того, и сами охотники оказались разделены на категории штатных, временных штатных (в штате кооперативно-промысловых хозяйств) и любителей. При распределении охотничьих участков для оленных эвенков (которые, как правило, являются штатными охотниками) администрацией учитываются границы прежних территорий обитания, предпочтительно те участки, которые отвечают прежде всего потребностям пушного промысла. Таким образом, зимнее кочевание оленных эвенков должно проходить в границах этих охотничьих участков. В то же время для полноценного ведения пушного промысла эвенкам, имеющим оленей, необходимы пастбищные угодья. Поскольку фактически каждый взрослый трудоспособный член эвенкийской семьи является штатным охотником,

то за счет этого количества охотничьих участков и их общая территория увеличивается и распространяется на пастбишные и рыболовные угодья. Однако реальностью является процесс сокращения осваиваемой эвенками территории из-за последствий пожаров, в результате чего их соседями становятся охотники-любители разных национальностей¹⁸.

Преимуществом в организации среды жизнедеятельности более похожа на выживание: так, в результате пожаров 1985—1986 гг., уничтоживших большие площади пастбишных угодий, эвенкам пришлось изменить территории прежних кочевков, это произошло с ориентацией на территории обитания. Наши наблюдения позволяют сделать вывод, что если по каким-либо причинам освоение привычных «семейных» территорий невозможно или затруднено, ориентируются на традиционную территорию обитания данного рода, или, лучше сказать, данной эвенкийской общины, представляющей «совокупность родственных или соседских семей, осваивающих один хозяйственный ареал»¹⁹. Так, например, перекочевки семьи В. П. Каплина (род Пангаракай) после пожаров идут как по «семейной» территории кочевания, так частично и по территории, в недавнем прошлом осваиваемой Я. П. Веретновым, а после его смерти — приемным сыном Е. Веретновым (род Пангаракай²⁰).

Интересно, что в настоящее время исследователи отмечают схожие факты у эвенков Якутии²¹, родственных эвенкам ороков Сахалина. Так, В. Д. Косарев пишет о том, что прежде у них существовали четыре традиционные тропы перекочевков: «...хотя эти маршруты, о которых известно, что их „предки прокладывали“, теперь во многом нарушены техногенным вторжением подразделений лесорубов, нефтеразведки и нефтедобычи — все же даже молодые оленеводы по-прежнему стараются придерживаться их по мере возможности»²².

Обращает на себя внимание, что кочевание даже в границах общинно-родовых территорий, но не на своей «семейной» территории психологически не вполне комфортно (о причинах этого подробнее будет сказано ниже). В связи с таким отношением до сих пор соблюдаются различные обычаи и обряды, например «брызганье» вина на землю, «кормление» огня и др. Таким образом, все это указывает на весьма устойчивую тенденцию сохранения привычного круга перекочевков в прежних территориальных границах, а также на боязнь и неприятие «чужих» мест, осваиваемых в прошлом или настоящем другими этносами или эвенкийскими группами.

Другой, не менее существенной составляющей в отношении эвенков к территории обитания как к дому является прекрасное знание местности, ее ландшафтных, экологических и иных особенностей, а также основанное на этом знании планирование маршрутов перекочевков, реальное освоение практически всей площади территории, как бы переход из одной экологической ниши в другую.

Ориентировка в пространстве, его восприятие и организация составляют, по-видимому, своеобразный элемент эвенкийской культуры. Наши наблюдения среди современных полуоседлых эвенков показали, что они пользуются теми же приемами и способами организации среды, что и их предки, используя опыт адаптации к среде, основанный на конкретном знании ее особенностей.

Это знание приходит как в результате социализации, усвоения опыта предшествующих поколений, так и в результате личного опыта, наблюдений над географическими, топографическими особенностями, флорой и фауной территории обитания.

Как и прежде, ориентация в пространстве происходит по рекам, которые являются также путями сообщения и естественно сложившимися разграничителями территории. Современные оленные эвенки в состоянии нарисовать карту-схему своей территории обитания, которая будет выглядеть как карта речных систем.

Особое отношение сохраняется у эвенков к тем животным, которые занимают одну и ту же (или соседнюю) с человеком территорию, оно включает, по

замечанию С. М. Широкогорова, не только элементы «соперничества», но и сосуществования и даже покровительства²³. И другие авторы отмечали заботу о зверовых угодьях, запрет без необходимости беспокоить животных, особенно в период кладки, выведения молодняка²⁴. В принципе подобное отношение у полуоседлых эвенков сохраняется и в настоящее время.

Прекрасное знание экологических особенностей территории обитания проявляется в условиях таежного охотничье-оленоводческого хозяйства в виде системности, ритмичности перекочевок, не скованных жесткими календарными рамками, но зависящих от реальных изменений в природной среде. Так, например, из весеннего огорода, сооруженного для содержания оленей в этот период, эвенки выгоняют их и сами выходят в район летних стойбищ не строго по календарным числам, а в то время, когда у елей начинает распускаться конец веток. «Когда в осенний огородходишь, число тоже необязательно: замечаешь, когда хвоя начинает с лиственниц падать — тогда у оленей гон начинается, нужно в огород загонять»²⁵. Реальные природно-климатические, экологические и другие изменения могут быть непредсказуемыми, не встречавшимися ранее, однако личный и коллективный опыт и возможность выбора в определенных границах позволяют поддерживать эту традицию.

С природными ритмами и биологией животных, со спецификой хозяйственных занятий связано существование четырех основных типов стойбищных комплексов: осеннего, весеннего, зимних и летних — и опять-таки возможности их комбинирования. Интересно, что те же самые типы кочевых поселений были выделены у эвенков Енисейско-Ленского междуречья для конца XIX — начала XX в.²⁶ В основу выделения указанных типов стойбищ положены следующие признаки: характер расположения на местности; различные хозяйственно-бытовые функции; определенный набор жилых и хозяйственных сооружений.

Традиция планирования маршрутов перекочевок и возможных мест стоянок и стойбищ* сохраняется в настоящее время. Поскольку, как было выяснено, весенние, осенние и зимние стойбища топографически находятся на местности в непосредственной близости друг от друга и составляют в отличие от летних особый микрорайон, находящийся в верховьях рек и в хребтах²⁷, то понятным становится планирование маршрутов перекочевок и мест стойбищ и стоянок с весны на лето и осень, а с осени на весну.

Например, обговаривание маршрутов кочевий с весенних на летние происходило раньше при сдаче пушнины, в зимне-весенний период, а также при совместном проживании весной родственных и соседских семей на весенних стойбищах. В настоящее время это происходит либо по рации, которая есть у всех оленых эвенков, либо во время встреч в поселке, куда эвенки выходят для пополнения запасов продовольствия в конце мая — начале июня по «большой воде»²⁹.

Весенние стойбища по-прежнему устраивают с учетом таких факторов, как «естественное стремление оленух на свободные от снега участки», «привязанность к тем стоянкам, на которых они впервые произвели на свет потомство»³⁰. По сообщениям наших информаторов, они предпочитают выбирать для весенних стойбищ ельники, затемненные места, так как, по их наблюдениям, оленухи любят телиться в темных местах³¹.

Правда, сейчас на весновку по пять-шесть чумов, как раньше, не собираются; практически каждая эвенкийская семья с достаточным количеством оленей (не менее 30—40) кочует как автономная единица, хотя иногда весной и осенью (а малооленные эвенки и летом) родственники, свойственники и соседи живут одним-двумя чумами, совместно ведя хозяйство. Изменения в социальной структуре кочевых объединений не внесли неожиданных инноваций в организацию

* Стоянкой в отличие от стойбища по установившейся традиции принято называть кратковременное кочевое поселение²⁸. Следуя данной традиции, отметим, что этот вопрос нуждается в специальном рассмотрении.

стойбищ и их архитектуру: главным образом изменилось лишь количество внутристойбищных сооружений.

Планирование маршрутов перекочевок, организация стойбищ были серьезными обязанностями, они лежали на наиболее старых и опытных членах семьи³². Последние, отойдя от активной деятельности, подсказывали варианты выбора, а непосредственной реализацией и прежде, и теперь заняты молодые трудоспособные мужчины-лидеры, которые исподволь готовятся заменить старших.

С появлением комаров начинался летний сезон кочевания, когда эвенки совершали перекочевки в прибрежной полосе таежных рек, на водоразделах крупных речных систем и их притоках; маршрут перекочевок представлял на местности форму эллипса³³.

Происшедшие в настоящее время перемены в выборе маршрутов летних перекочевок, выразившиеся в сокращении амплитуды кочевания, в прохождении не всего круга кочевки и соответственно в изменении времени обитания на летних стоянках, не затронули смысла летнего кочевания. Он определялся не столько рыболовством, сколько в меньшей степени необходимостью содержания и выпаса оленей. Это обусловило преемственность в организации среды в летний период времени. Места стойбищ выбирают на высоких, продуваемых ветром «борках» — это возвышенности, которые в принципе очень низки, состоят из наносного песка и отличаются от окружающей тайги тем, что обычно на них растет сосна. Здесь же можно найти топливо для дымокуров, что очень важно; рядом источник воды, а также и источник пищи (рыбы). Таким образом, летние стойбища («дювдян») эвенков в настоящее время по-прежнему связаны с береговой зоной рек. Близость воды служит относительным гарантом безопасности от частых здесь лесных пожаров.

Осенние стойбища («болодян») располагаются, как и прежде, поблизости от весенних и стационарных зимних стойбищ, иногда весенние и осенние стойбища совмещаются. При выборе мест для них учитываются наличие корма для оленей (как ягеля, «лавикта», так и «хивокты» — хвоща, который, по наблюдениям эвенков, необходим оленям в период гона)³⁴, постоянство мест гона.

Следует особо отметить тот факт, что по-прежнему эвенки используют осенние и весенние стойбища в течение трех-пяти лет, затем меняя (как бы сдвигая) места стойбищ, чтобы обеспечить восстановление пастбищных угодий.

Организация среды жизнедеятельности является сознательным, творческим процессом, который основан на адаптационных возможностях, традиционных установлениях и нормах, прошедших проверку временем, а также учитывает новые факторы, влияющие на организацию среды.

Изменения под влиянием иноэтнических контактов и других причин состоят в том, что у эвенков появились новые элементы в организации среды, вызванные проведением части времени в сезонных поселениях. Каждая эвенкийская семья, содержащая оленей, имеет в тайге минимум одно, максимум четыре-пять четырехугольных срубных зимовий, одно из которых является стационарным зимним жилищем, не связанным напрямую с потребностями пушной охоты, а приуроченным к удобным путям передвижений, которыми в зимнее время являются не столько нартовые дороги, сколько «профили», прорубленные в тайге геологами. В таком стационарном жилище члены семьи проводят два-три наиболее холодных зимних месяца. Подавляющее большинство эвенков, кроме того, имеет личный или государственный (ведомственный) дом в поселке. Однако есть семьи эвенков, которые вообще не имеют дома в поселке и, когда возвращаются из тайги, останавливаются у родственников или знакомых³⁵. Полуоседлые эвенки, имеющие оленей, более привязаны к традиционному образу жизни и связанной с ним системе ценностей. Оседлая жизнь в поселке, в доме, вдали от тайги для людей, не имеющих иной специальности, кроме специальности оленевода и охотника, не представляет того смысла, которым отличается их жизнь в тайге. Поэтому дом в поселке воспринимается совсем иначе, чем дом в тайге. Они принадлежат как бы к разным системам ценностей. В то же время зависимость

(как социально-экономического, так и психологического характера) от поселка сильно возросла.

Память о доме — территории кочевания и кочевом жилище при переходе к оседлым формам быта выражалась и выражается в форме преемственности некоторых его элементов в поселении на пограничных, ничьих территориях, на окраинах или вблизи русских или якутских населенных пунктов³⁶; в строительстве рядом с постоянно обитаемым, четырехугольным в плане срубным домом (либо на некотором расстоянии от него) жилища национального типа — чума или голомо в качестве подсобного или иного рода помещения; в устройстве костра «гулувун», на котором в летнее время готовили пищу, вблизи жилого дома; в сохранении некоторых специфичных деталей интерьера.

В качестве еще одной существенной составляющей отношения эвенков к тайге, территории обитания как к дому, а также показателем преемственности в организации среды является организованность территории, наличие на ней жилых, хозяйственных сооружений, как бы выбранных из стандартного набора. Этот выбор диктуется как сроками нахождения на стоянке, так и конкретным типом стойбища, связанным с его функциональным назначением и природно-климатическими особенностями³⁷.

Для летнего стойбища стандартный набор построек жилого и хозяйственного назначения включает в себя чум «дю», иногда палатку (последняя используется чаще всего как дополнительное, запасное жилище, жилище для гостей); дымокуры «хаммин-саммин» для оленей (4—5 дымокуров на стадо оленей в 50—70 голов), представляющие собой конусообразные сооружения из ошкуренных жердей (от 0,5 до 1,5 м высотой), воткнутых в землю по окружности (диаметр которой составляет около 1,0—1,5 м) вокруг костра, функцией которых является ограждение оленей от огня; настил для хранения вычюнных сум, седел, упряжи — «уммзвун», представляющий собой три — пять длинных жердей, уложенных вплотную друг к другу как бы вдоль боковых стенок чума; костер «гулувун»; лабаз «дэлкэн», представляющий собой помост на сваях высотой около 1,0—1,5 м, на котором хранится посуда, различная кухонная утварь и другие необходимые вещи. Общая площадь летнего стойбища около 2—2,5 тыс. м², причем все постройки располагаются таким образом, что пространство за задней стенкой чума остается совершенно свободным³⁸. Этот факт может быть объяснен тем обстоятельством, что дымокуры, а следовательно, и все стадо оленей всегда располагаются напротив входа в чум на расстоянии 15—25 м от входа; чуть ближе находится костер «гулувун» и все остальные сооружения летнего стойбища.

Остановимся подробнее на рассмотрении такого эвенкийского весенне-летне-осеннего жилища, как чум, имеющего широкое бытование среди изучаемой группы эвенков. Способы сооружения чума остаются прежними, но такие детали, как материал покрытия, меняются. Если раньше для этого использовались берестяные покрышки «тыкса», то теперь летом в качестве покрышки чума повсеместно используют брезент, раскроенный по старым образцам и сшитый как на руках, так и на машинке. Бережно хранятся на лабазах и изымаются оттуда с наступлением холодов теплые лосиные покрытия, которые используются в зимнее время на промысле.

Распределение мест в чуме, организация его внутреннего пространства остаются на протяжении веков стабильными, что связано не только с функциональными требованиями, но и с древней культурной традицией³⁹. Более того, даже используя новый тип жилища, планировку мест сохраняют прежней.

В кочевой быт вошли и хорошо вписались новые предметы обихода, заняв соответствующие своему назначению места во внутреннем пространстве чума. Так, например, рация размещается всегда на месте «малу», наиболее почетном, находящемся прямо против входа в чум.

Традицию сооружения чума в конце XX в. можно объяснять не только прагматическими соображениями. На наш взгляд, форма конуса как бы является одним из важных символов эвенкийской культуры. С конусовидной формой

чума, с окружностью, которая лежит в его основании, связан динамический, кочевой способ освоения среды, а с ним в свою очередь и весь образ жизни эвенков. Все это нашло выражение в их психологическом складе, неудержимом стремлении к перемене мест (в настоящее время эта особенность выражается в частых визитах к близким и дальним родственникам и в ежедневных сеансах связи по радию между полуоседлыми эвенками).

При сооружении любых построек эвенками обязательно учитываются такие принципы, как минимальная затрата времени и энергии для сооружения, его удобство и многофункциональность. Эти требования привели к существованию многочисленных вариантов одних и тех же типов сооружений, например лабазов-дэлканов, или разных типов изгородей для оленей и т. д.

Оленья изгородь присутствует в качестве обязательного элемента как весеннего, так и осеннего стойбища. Чаще всего осенний огород для оленей превышает по размерам весенний, который сооружается главным образом для содержания важенок в период отела. Изгороди для оленей на весеннем и осеннем стойбищах различаются конструктивными особенностями и представляют собой наглядный пример адаптации к различным условиям строительства: весной, когда земля еще мерзлая, три длинные поперечные жерди укладывают в выемки, вырубленные предпочтительно на любой опоре естественного происхождения; осенью, напротив, жерди укладывают в развилку кольев, вбитых в землю крест-накрест в количестве трех пар. Зачастую при строительстве эти способы совмещаются.⁴⁰

Лабазы «дэлкэны», по, нашим наблюдениям, соотносятся со всеми типами стойбищ. Количество опор (искусственного и естественного происхождения) варьирует от двух до шести. Размеры лабазов меняются в зависимости от сезона года. Для весны и осени они делаются более устойчивыми.

На весеннем стойбище почти всегда можно обнаружить большой дымокур (который легко можно принять за маленький чум), состоящий из 10—15 длинных жердей, соединенных вершинами. Это «утувак» — сооружение для дымления шкур. Часто шкуры дымят и в жилом чуме.

Среди других сооружений хозяйственного назначения на весенних и осенних стойбищах можно встретить деревянные гвозди-вешала «хэвэки», «сэск» и поперечные жерди-вешала «локоуны». Сушилку для мяса чаще всего можно встретить на осеннем стойбище. Она называется «бутивун», «бучивун» и представляет собой помост, поднятый над землей на высоту около 1,0—1,2 м, на 2—4 опорах.

Вблизи осенних и весенних стойбищ, возле эвенкийских дорог и троп, приуроченных к местам зимнего промысла, находятся эвенкийские лабазы — «ноку», расположенные вне собственно территории стойбища. Лабаз «ноку» представляет собой помост на опорах естественного и искусственного происхождения, высоко (от 1,5 до 3 м) поднятый над землей, на котором устроен бревенчатый сруб, где хранятся ненужные во время летнего и зимнего кочевания вещи, одежда, запасы продовольствия.

Эвенкийские нартовые дороги («чанкэ») в настоящее время используются лишь частично, так как передвижения происходят также по прорубленным в тайге «профилям». Осенью, перед началом пушного промысла, традиционные участки дорог чистят, приводят в порядок, готовят к эксплуатации.

Зимнее стойбище включает в себя следующие постройки: четырехугольное срубное зимовье, гараж для мотонарт «Буран», срубная баня, лабаз-дэлкэн, солонец (выдолбленное бревно, уложенное на высоте до 0,5 м на пеньки), навесы («долган») или чумы («абдун») для собак. Иногда поблизости от зимнего стойбища сооружается вертолетная площадка⁴¹.

Архитектура стойбища не может быть понята без элементов естественного окружения, ландшафта. Многие из тех, кому удалось когда-либо побывать на эвенкийских стойбищах, отмечали высокие эстетические достоинства выбранных для жилья мест⁴². По нашим данным, и для самих эвенков небезразлично, какой вид открывается со стойбища и какие эмоции он пробуждает. Разнообразие ландшафтов и их эмоциональное воздействие сглаживает, нивелирует первое

впечатление о кажущемся однообразии, унификации и примитивности внутристойбищных сооружений.

Все вышеописанные составляющие сформировали один из наиболее важных, существенных признаков отношения эвенков к территории обитания как к дому: осознание духовной общности с территорией, психологически особое отношение к ней. Это осознание очень важно, поскольку, в свою очередь, оказывает сильное влияние на регулирование хозяйственно-бытовой деятельности, на отношение к среде обитания.

Это отношение складывается также во многом благодаря тому, что в среду жизнедеятельности эвенков, или, иначе говоря, в понятие «своя земля» «...прежде у рода, позже у большой семьи...» входило понятие о могилах предков⁴³. Мы включаем в это понятие также места больших шаманских камланий, заброшенные старинные постройки жилого и хозяйственного назначения.

Территории, где находятся захоронения (подземные или воздушные) посещаются крайне редко, имеют запущенный, заброшенный вид. Отношение эвенков к таким местам неоднозначное. Чаще всего люди боятся этих мест. Даже родственники нечасто ходят на могилы к своим близким, особенно по истечении трехлетнего срока со времени похорон: «Три года ходят к могиле. Когда кочуют (останавливаются), жир, мозг сохатого в огонь кидают, сидят, разговаривают. После трех лет не ходят»⁴⁴.

С середины XX в. на территории района стали возникать эвенкииские кладбища, которые обычно располагались на сухих, возвышенных, красивых местах, в лесу или на его опушке, часто недалеко от берега реки. Интересно, что эвенки, живущие оседло в деревнях вместе с русскими или якутами, по нашим наблюдениям, хоронят своих сородичей на отдельном эвенкийском кладбище либо хотя и на общем кладбище, но занимая отдельную его часть. Так, например, в деревнях Ика, Лужки, Хамакар кладбища разделены по национальному признаку⁴⁵.

В сознании современных эвенков как идеальный вариант сохраняется желание быть похороненным на «своей» земле, в лесу, на осваиваемой ими в прошлом или настоящей территории. Так, например, дед В. Г. Коненкина (Юрьева), шаман, из группы преображенских эвенков, завещал похоронить его на своих угодьях недалеко от с. Преображенское, так как там находилось его стойбище, там он долгое время кочевал и указанное им место было для него самым любимым. Известны и другие подобные примеры⁴⁶.

В настоящее время, как правило, эвенки хоронят своих сородичей на деревенских (поселковых) кладбищах, устраивая подземные погребения, устанавливая на могиле стандартные памятники и оставляя венки, справляя поминки по русскому обычаю. В то же время сохраняются и эвенкийские погребальные обряды. Если оленного эвенка похоронили на поселковом кладбище, то оставшиеся члены семьи забывают его верхового оленя (учака); в лесу недалеко от стационарного осеннего или другого стойбища (обычно в наиболее любимом покойным месте) за чумом оставляют на деревьях или «локоунах» «на северной стороне» («долбани») личные вещи покойного: парку, пальму, одеяла и т. п.⁴⁷

Эти места, а также места больших шаманских камланий являются своеобразными резервными территориями. Интересно, что старики и теперь запрещают молодым эвенкам охотиться в таких местах, что-либо брать оттуда и вообще посещать их без необходимости. Подобное отношение прослеживается у многих народов Севера; например, у манси культовые места становились заповедными территориями, где был установлен «щадающий» режим эксплуатации⁴⁸. Подобные территории имеют особую значимость, существуя и внутри освоенного пространства, и в то же время как бы вне его благодаря различным запретам и охранительным мерам. Они-то во многом и формируют особое психологическое, эмоционально окрашенное отношение к территории обитания, которое, подобно самосознанию, наиболее устойчиво сохраняется.

До сих пор реальное бытование имеет ряд запретов, связанных с организацией пространства в жилом чуме. Среди них следует назвать запрет ходить вокруг чума представителям иного эвенкийского рода, особенно старикам; запрет садиться на место «малу» представителям другого рода или женщине из этого же рода; запрет беременной женщине сидеть на пороге чума; нежелательность ходить вокруг очага в чуме и др.⁴⁹ Практически все запреты подобного рода стали в настоящее время нормами этикета.

При «асимметричных» культурных контактах «малый» этнос подстерегает множество трудностей и болезненных передвижек во всех сферах жизнедеятельности, и, конечно, в психологическом плане, в сознании. Предвидя эти трудности, ученые высказываются за необходимость социального контроля за этими процессами⁵⁰.

В связи с этим позволим себе несколько общих замечаний. Для обеспечения преемственности этнически специфических свойств культуры (особенно в традиционных обществах Севера) необходимы некоторые условия. Одним из основных условий сохранения культурной самобытности и преемственности выступает ведение традиционного хозяйства, применение традиционных способов взаимодействия с природной средой, о чем говорят многие исследователи⁵¹. Реальность такова, что преемственность в смысле сохранения и реального бытования этнокультурных традиций более всего прослеживается в тех эвенкийских группах, которые ведут традиционное хозяйство. Сочетание всех видов хозяйственной деятельности (охота, оленеводство, рыболовство) приводит к необходимости освоения различных типов угодий: охотничье-промысловых, пастбищных, рыболовных и др. В этой связи предпосылкой и необходимым условием ведения традиционного хозяйства является сохранение среды обитания, от которой наблюдается более высокая прямая зависимость, чем в обществах иной ориентации.

С изменением среды происходит изменение характера расселения, хозяйственных занятий и как следствие — изменение в этническом сознании. Среда обитания играет важную роль в идентификации этноса даже тогда, когда его представители оставили традиционные занятия или их соотношение коренным образом изменилось.

Следовательно, стабильность среды обитания является важным фактором, влияющим на бытование и степень сохранности традиционных элементов в культуре, который следует учитывать при проведении национальной политики.

Другими условиями преемственности, тесно связанными с первыми двумя, являются социализация, т. е. передача культурного опыта, навыков, знаний, традиций и государственная политика, безусловно, оказывающая огромное влияние на развитие этнокультурных процессов, на ориентацию в выборе занятий, их престижность и социальную значимость.

Вышесказанное не исчерпывает всех проблем и условий передачи культурного опыта, тем более, что каждое новое поколение, вступающее в жизнь, по-новому переосмысливает его. Если рассматривать преемственность в условиях выживания, то можно понять, что традиция, некоторые символы культуры представляют собой большую ценность, чем это представлялось ранее; их невозможно предать забвению или искоренить. Об этом говорят многочисленные примеры психологической адаптации к новым формам быта и культуры.

Примечания

Соколова З. П. Народы Севера СССР: прошлое, настоящее, будущее // Сов. этнография (далее — СЭ). 1990. № 6. С. 17.

Плюснин Ю. М. Естественные-исторические факторы трансмиссии традиционной культуры: к проблеме противоречий этнокультурных взаимодействий (на материале зарубежных исследований) // Народы Сибири на современном этапе. Новосибирск, 1989. С. 73.

- ³ Туен Т. Культурная и этническая непрерывность у коренных народов Севера: некоторые антропологические подходы//СЭ. 1990. № 5. С. 63.
- ⁴ Арутюнов С. А. Народы и культуры (развитие и взаимодействие). М., 1989. С. 129.
- ⁵ Ожегов С. И. Словарь современного русского языка. М., 1990. С. 456.
- ⁶ Архитектура и эмоциональный мир человека. М., 1985; Лукьянов С. А., Ларченко С. Г., Сметанина О. В. Развитие социально-пространственной среды поселения народностей Севера. Красноярск, 1990.
- ⁷ Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985. С. 146—147; Архив Ин-та этнологии и антропологии АН СССР. Фонд Севера. Полевые материалы Сириной Л. А. (далее — полевые материалы автора). 1988, 1989, 1990.
- ⁸ Государственный архив Иркутской области. Ф. 528. Оп. 1. Ед. хр. 11.
- ⁹ Гос. архив Иркутской обл. Ф. 528. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 108.
- ¹⁰ Материалы Всесоюзной переписи населения 1989 г.
- ¹¹ Полевые материалы автора. 1989, 1990. Хранятся у автора.
- ¹² Полевые материалы автора. 1989, 1990.
- ¹³ Хейдметс М. Пространственная регуляция общения человека//Уч. зап. Тартусского Гос. ун-та. Труды по психологии, VI. Тарту, 1977. С. 72.
- ¹⁴ Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры//СЭ. 1970. № 4. С. 7.
- ¹⁵ Суслов И. М. Охота у тунгусов//Охотник и пушник Сибири. 1927. № 1. С. 48; Карлов В. В. Эвенки в XVII — начале XX в. (хозяйство и социальная структура). М., 1982. С. 29; Туров М. Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX — начале XX в. (принципы освоения угодий). Иркутск, 1990. С. 131.
- ¹⁶ Карлов В. В. Указ. раб. С. 77.
- ¹⁷ Туров М. Г. Указ. раб. С. 131.
- ¹⁸ Полевые материалы автора. 1990.
- ¹⁹ Карлов В. В. Указ. раб. С. 60.
- ²⁰ Полевые материалы автора. 1989. Л. 43, 49, 51.
- ²¹ Сневаковский А. Б. Традиционное в современной культуре эвенов//Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1980. С. 102.
- ²² Косарев В. Д. Экологическая обусловленность традиционного воспитания и социализации у ороков//Материалы к изучению истории и этнографии населения Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1986. С. 72.
- ²³ Shirokogoroff S. M. Social organization of the Northern Tungus. Shanghai, 1929. P. 45.
- ²⁴ Косарев В. Д. Указ. раб. С. 74.
- ²⁵ Полевые материалы автора. 1990. Л. 67.
- ²⁶ Туров М. Г. Указ. раб. С. 134.
- ²⁷ Туров М. Г. Указ. раб. С. 135—149; Андрианов Б. В. Неоседлое население мира (историко-этнографическое исследование). М., 1985. С. 42.
- ²⁸ Туров М. Г. Указ. раб. С. 134.
- ²⁹ Полевые материалы автора. 1988, 1989, 1990.
- ³⁰ Туров М. Г. Указ. раб. С. 109.
- ³¹ Полевые материалы автора. 1988, 1989, 1990.
- ³² Попов А. А. Кочевая жизнь и типы жилищ у долган//Сибирский этнографический сборник (далее — СЭС). 1952. вып. I. С. 145; Полевые материалы автора. 1990.
- ³³ Туров М. Г. Указ. раб. С. 132.
- ³⁴ Полевые материалы автора. 1990. Л. 60.
- ³⁵ Полевые материалы автора. 1990. Л. 68.
- ³⁶ Савоскул С. С. Этнические изменения в Эвенкийском национальном округе//Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М., 1970. С. 181; Этническое развитие народностей Севера в советский период. М., 1987. С. 114—118; Стракач Ю. Б. Эвенкийско-русская промысловая артель «Победа»//СЭС. 1962. IV. С. 122—135 и др.
- ³⁷ Полевые материалы автора, 1990. Л. 13, 24, 33; Туров М. Г. Указ. раб. С. 136.
- ³⁸ Полевые материалы автора. 1989. Л. 44, 60, 68.
- ³⁹ Гуцол Н. Н. Традиционные жилища коренных народов Северо-Востока Азии и Северо-Запада Америки (этногенетический и этнокультурный аспекты): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. С. 18.
- ⁴⁰ Полевые материалы автора. 1989. Л. 79; 1990. Л. 61; 1991.
- ⁴¹ Полевые материалы автора. 1990. Л. 61.
- ⁴² Виташевский Н. Якутские материалы, собранные в 1883—1897 гг.//Живая старина. 1916. Вып. 1. Прил. № 4. С. 016—022; Shirokogoroff S. M. Op. cit. P. 16, 317.
- ⁴³ Василевич Г. М. Ранние представления о мире у эвенков//Тр. Ин-та этнографии. Т. II. М., 1959. С. 161.
- ⁴⁴ Полевые материалы автора. 1990. Л. 30.
- ⁴⁵ Полевые материалы автора. 1990. Л. 27, 38 об.
- ⁴⁶ Полевые материалы автора. 1989. Л. 48; 1990. Л. 31 об, 71.
- ⁴⁷ Полевые материалы автора. 1989. Л. 48; 1991. Л. 6.
- ⁴⁸ Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Культурные места XIX — начала XX в. Новосибирск, 1986. С. 189.
- ⁴⁹ Полевые материалы автора. 1989. Л. 28; 1990. Л. 51.

⁵⁰ Плюснин Ю. М. Указ. раб. С. 82.

⁵¹ Оборотова Е. А. Народы Севера в современном мире: взгляды и позиции//СЭ. 1988. № 5. С. 146 — 151; Соколова З. П. Указ. раб.; Тишков В. А. О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР//СЭ. 1989. № 1, и др.

Continuity in Organization of Environment (A Case Study of Evenks of Nizhnaya Tunguska)

The article is based on the results of the field investigations carried out among Evenks of Nizhnaya Tunguska and deals with the problem of the continuity of the environmental organisation. It is pointed out that attitude to the territory like to own house is an important of semi-settled evenks.

Settling on the relatively permanent tribal territory or in the neighbourhood, an extensive knowledge of the territorial ecology and systematic development of the land, definite organisation of the territory, an existence of the different types of constructions and cultural and memorable places leads to formation of stable realizing of spiritual community with the territory. Some conditions of the ethnic cultural continuity are discussed.

A. A. Sirina

© 1992 г., ЭО, № 2 А. Т. Нестер

ПОЛЕССКИЙ ЛЕН И СЛАВЯНСКИЕ ТРАДИЦИИ

Народное ткачество в отличие от других ремесел — наиболее древнее и массовое занятие населения. Оно дает возможность расширить познания по этнической истории края, способствует освещению ряда вопросов исторического и культурного развития.

В основу предлагаемой статьи положены материалы многолетних полевых исследований автора, проведенных почти в 280 селах северных районов Украины, расположенных между Западным Бугом и Днестром к югу от границы с Беларусью (приблизительно по линии Луцк — Ровно — Житомир — Киев).

В результате анализа полученных данных путем ретроспективного и историко-сравнительного метода нам удалось не только раскрыть историю этого древнейшего вида народного творчества в Полесье, но и глубже изучить этнокультурную специфику края.

Уже первое знакомство с особенностями ткацкого сырья, способов и орудий его обработки приводит к выводу о культурной неоднородности материальной культуры Припятского Полесья, характерной чертой которого являются ареальные и локальные деления.

По материалам ткачества Полесье четко делится на две основные зоны: западную и восточную. О таком его делении прежде уже упоминалось в археологических, лингвистических и этнографических исследованиях¹. Западная зона простирается от Западного Буга к р. Горыни, восточная от Горыни к Днестру. Собранные нами материалы по ткачеству позволяют не только подтвердить, но и значительно дополнить эти выводы фактом существования в междуречье Горыни — Случи переходной зоны, которая на западе несколько отклоняется к Стиру, а на востоке — к Уборти. Сохраняя характерные черты ткачества двух основных зон, она имеет и свои культурные особенности. Выделяется также западная полоса, от Западного Буга по р. Турья с некоторым отклонением к Стоходу. В пределах двух основных зон междуречья Горыни — Случи наблюдается также горизонтальное деление на северную, центральную и южную полосы.